

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ФОРМАЛИЗМ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ:
КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД
М.Я. ОСТРОГОРСКОГО И Р. МИХЕЛЬСА**

Появление тоталитаризма в XX веке во многом было подготовлено кризисной фазой развития режимов представительной демократии. Не случайно критический анализ демократической идеи и её практического воплощения стал одним из ведущих направлений политической мысли конца XIX – начала XX веков. Волна критики со стороны как леворадикальных, так и экстремистских правых идейных течений была своеобразным отражением, своего рода интеллектуальной квинт-эссенцией подсознательных чувств неуверенности и сомнения, царивших в обществе. В определенной степени она явилась симптомом кризиса либеральной парадигмы, провозглашавшей примат рационализма, свободы, равенства в их неразрывной взаимосвязи.

Среди блестящей плеяды «усомнившихся» в достоверности классических либеральных постулатов особое место занимают две фигуры: русский ученый с космополитической творческой биографией, – М.Я. Острогорский (1854-1919), – и Р. Михельс (1876-1936), европейский интеллектуал, сменивший гражданство с немецкого на итальянское. Оба они, впервые в истории политической мысли, сделали предметом своего изучения внутрипартийный механизм власти. Крупнейшие работы М.Я. Острогорского «Демократия и политические партии» (1902), Р. Михельса «Социология политической партии в условиях демократии» (1911) открыли новую страницу в политической науке, заложив основы социологии политических партий.

К концу XIX века партийная система становится ведущей формой включения народных масс в политическую жизнь. Реально существующие партии, достигнув значительной степени организованности, приобрели ряд новых черт: массовость, увеличение численности и регулярность деятельности. Обеспечивая политическую активность населения, партии контролировали избирательный процесс; партийной конъюнктурой во многом определялась деятельность парламента.

Таким образом, выбрав партии в качестве объекта критики, Острогорский и Михельс поставили под сомнение наиболее яркое доказательство реализации на практике демократической идеи. Если первый из них исследовал механизм функционирования массовых организаций на основе сравнения партийных систем США и Великобритании, то Р. Михельс взял в качестве предмета анализа партии, оппозицион-

ные существующей буржуазной системе (социалистические и социал-демократические), чьи программные установки отвергали само деление на господствующих и подчиненных.

В книге «Демократия и политические партии» М.Я. Острогорский провел прямую корреляцию процесса формирования постоянных массовых партий с расширением избирательного права: поскольку целью избирательного процесса является перераспределение властных ресурсов, постольку монополизация контроля над выборами со стороны партий приводит к монополизации ими власти. Сам внутривнутрипартийный механизм показан русским ученым как взаимодействие административного ядра, кокуса, обладающего всей полнотой власти, с массой членов и парламентской фракцией. Любая инициатива в партии исходит не от рядовых членов, а из кокуса; деятельность последнего скрыта, неясна. Одновременно с кристаллизацией правящей верхушки в партии происходит её сакрализация, установление полного единомыслия и жесткой дисциплины. По мысли автора, здесь правят бал «теологические и еkkлезиастические концепции поведения индивидов»¹.

Острогорский указал также на двойственные отношения вождя и кокуса в новых массовых партиях через такие явления, как рост роли и сакрализация образа лидера партии, с одной стороны, боссизм и «spoils system» с другой. Его мысли развил до логического конца М. Вебер, построив на них свою теорию плебисцитарной демократии. В работе «Политика как призвание и профессия» немецкий социолог размышляет над феноменом кокуса: «Вождь становится лишь тот, в том числе и через голову парламента, кому подчиняется машина. Иными словами, создание таких машин означает наступление плебисцитарной демократии»². С учетом данной преемственности становится более зримым творческий диалог между Острогорским и Михельсом, считавшим себя учеником М. Вебера.

Р. Михельс акцентирует свое внимание на психологических и социальных изменениях, происходящих с вождями в социал-демократических организациях. Они сближаются по своему статусу, образу жизни и психологии с господствующей буржуазной элитой. Происходит так называемое «обуржуазивание рабочих партий»³. Ученый подчеркивает, «сколько незначительны различия между тенденциями развития государственных олигархий (правительство, двор и т.д.) и олигархий пролетарских»⁴. Это позволяет ему сделать вывод, что «в процессе развития партии демократическая система сжимается, в конечном счете, до права масс самим выбирать

¹ Острогорский М.Я. *Демократия и политические партии*. М., 1997. С.544.

² Вебер М. *Избранные произведения*. М., 1990. С.675.

³ Михельс Р. Социальные изменения, вызванные организацией. Глава из книги «Социология политической партии в условиях демократии» // Диалог. 1990. № 13. С.45.

⁴ Михельс Р. *Отношение вождей к массам на практике*. Глава из книги «Социология политической партии в условиях демократии» // Диалог. 1990. № 5. С.83.

себе в данный период времени господ, которым они после их избрания обязаны оказывать послушание»¹.

Следующий логический шаг творческой мысли русского и итальянского социологов – перенос наблюдений за олигархизацией на всякую организацию. Их рассуждения основаны на элитистской логике, согласно которой неравенство индивидов заложено в изначальной дихотомии «управляемые – правители», то есть в самой сущности властных отношений. Острогорский отмечает, что «Политическая функция масс в демократии не заключается в том, чтобы ею управлять; они, вероятно, никогда не будут на это способны, ... фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как и при самодержавии... Естественным свойством власти является концентрация, это как бы закон социального тяготения»². Михельс делает это наблюдение центральным пунктом своей работы, формулируя «основной социологический закон политических партий»: «Организация порождает господство избранных над избирателями.... Где организация, там и олигархия».³ При объяснении данной закономерности акцент ставится на технической и технологической стороне организации: «Формальная специализация, являющаяся необходимым следствием любой массовой организации и порождающая необходимость так называемого профессионального руководства, переносит все основные свойства массы в качестве специфических свойств вождя на самих вождей»⁴.

Выходя за рамки анализа партийной жизни, элитисты обрушивают свою критику на один из фундаментальных принципов либеральной демократии – принцип представительства. Согласно классической либеральной доктрине, суть последнего – в добровольной и сознательной, обусловленной рациональным выбором передаче своего права на управление конкретным людям, небольшой части социума. Острогорский рассматривает реальный механизм формализации представительного начала, начало которого – в выдвижении кандидатов на выборные государственные должности посредством партий. Он констатирует утрату парламентом роли самостоятельного фактора политического процесса, поскольку народный избранник, обязанный получением мандата не народу, а партии, организовавшей выборы и приведшей его к победе, «вместо того, чтобы быть представителем, является скорее делегатом, агентом для поручений, получающим приказы от «партии» или, выражаясь более конкретно, от лидеров»⁵.

¹ Михельс Р. *Бонапартистская идеология*. Глава из книги «Социология политической партии в условиях демократии» // Диалог. 1990. № 9. С. 52.

² Острогорский М.Я. *Демократия и политические партии*. С. 551.

³ Michels R. *Political Parties. A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy*. N.Y., 1959. P. 401.

⁴ Михельс Р. *Необходимость организации*. Глава из книги «Социология политической партии в условиях демократии» // Диалог. 1990. № 3. С. 58.

⁵ Острогорский М.Я. *Демократия и политические партии*. С. 279.

Р. Михельс, в свою очередь, утверждает абсурдность представительства вообще как способа осуществления демократии. Идея о несовместимости принципов представительства и демократии была высказана впервые Ж.Ж. Руссо. Руссоистская доктрина «общей воли» провозглашала неделимость и непередаваемость народного суверенитета. Поскольку общая воля, которая единственная способна определить общественное благо, есть то, что получается из всей совокупности волеизъявлений частных лиц за вычетом «взаимоуничтожающихся крайностей», постольку она «никак не может быть представляема; или это она, или это другая воля, среднего не бывает»¹. Следовательно, Руссо категорично отвергает представительную демократию «Что бы там ни было, но как только народ дает себе представителей, он более не свободен; его более нет»².

Мысль Р. Михельса, в свое время горячего сторонника синдикалистского социализма, а затем приверженца теории элит Г. Моски и В. Парето, движется в заданном Руссо критическом русле. Он говорит: «Демократия зиждется на выборах. Но выборы – внутренняя логическая невозможность. Ибо выборы – это передача воли. Волю же нельзя передать без отчуждения воли. *Celui qui delegate abdique*»³. По его мнению, еще большую абсурдность делегирование интересов приобретает в современную эпоху: «Критика, которой подвергается представительная система, особенно актуальна сегодня, когда политическая жизнь с каждым днем принимает все более сложные формы, а потому с каждым днем становятся все более бессмысленными попытки «представительства» – сложно устроенной массы по всему неисчислимому множеству проблем дифференцированной современной социальной и экономической жизни. Представлять – это значит выдавать единичную волю за массовую»⁴.

М.Я. Острогорскому чужд радикальный запал французского просветителя. Более того, он видит логическое несоответствие в самом понятии «общая воля»: «Как же она может быть постоянной, единой и всегда тождественной самой себе, когда она является, как указывает сам Руссо, равнодействующей частных волей, волей, по самому своему понятию подлежащих изменению?»⁵. Однако, если рассматривать общую волю не как некое абстрактное неизменное существо, а как «состояние частных волей, встречающихся на почве «объекта общего интереса», то есть учитывать элемент ситуативности, то противоречия между доктринами народного суверенитета, общей воли и социального договора исчезнут»⁶.

¹ Руссо Ж.Ж. *Об общественном договоре. Трактаты*. М., 1998. С. 281.

² Там же. С.282.

³ Михельс Р. *Принципиальное в демократии* // Социологический журнал. 1994. № 3. С.90.

⁴ Михельс Р. *Необходимость организации*. Глава из книги «Социология политической партии в условиях демократии» // Диалог. 1990. № 3. С.60.

⁵ Острогорский М.Я. *Демократия и политические партии*. С. 576.

⁶ Там же. С. 577-578.

Принципиальные расхождения в концепциях Острогорского и Михельса ясно проступают в поиске путей решения заявленной ими проблемы. Программа русского мыслителя достаточно радикальна. Устранение пагубного влияния партий на избирательный процесс кажется ему возможным при отказе от сложившейся системы постоянных партий. «Необходимо восстановить, — пишет он, — и сохранить истинный характер партий как группировок граждан, специально организованных в целях осуществления определенных политических требований».¹ Фактически, здесь Острогорский предлагает свой вариант теории гражданского общества. Согласно ей, при демократии общество обладает мощным орудием воздействия на государство — так называемой «силой социального запугивания». Ликвидация источника отстранения индивида от самостоятельной сознательной политической деятельности позволит правильно использовать данный инструмент давления, не ущемляя мнения меньшинства. По мысли русского ученого, после разрушения протivoестественной системы партийного господства и коренных преобразований институтов избирательной системы и представительных органов процесс артикуляции разнообразных интересов и их реализация с помощью кратковременных политических союзов, лиг, будет идти самопроизвольно в нужном русле, в структуре стихийного «избирательного рынка». При этом поворот общества к истинному облику демократии возможен только через глубокие изменения в политической культуре: «Рассматриваемая проблема ни в коей мере не относится к законодательству. Главные пороки, присущие демократическому правлению — всеобщая посредственность, влияние демагогов, отсутствие сознания общественного блага, слабое действие законов, нельзя искоренить путем лучшей организации государственной власти».² Таким образом, выводы Острогорского проникнуты верой в реальность подлинной демократии, при которой общество также делится на правителей и управляемых, но последние контролируют первых.

Иначе предстает окончательный вывод Р. Михельса. Олигархизация — явление неизбежное, она является необходимой издержкой всякой организации. Демократия наполнена внутренними противоречиями, не имеющими решения вообще, а потому размышления об осуществимости демократического идеала бессмысленны. Социология может лишь говорить о том, «в какой степени и в каком месте демократия желательна, возможна и осуществима в данный момент».³ Не случайно германо-итальянский социолог посвящает специальную главу своего исследования партий анализу «опыта превентивного препятствования власти вождей». В ней находится место и для программы Острогорского. Соглаша-

¹ Там же. С. 569.

² Там же. С. 557.

³ Michels R. *Political Parties*. P. 402.

яся с основными положениями русского коллеги, Михельс подвергает критике «лекарство», предложенное им: «Острогорский предложил заменить партийную организацию... системой временных ассоциаций (league system)... Он полагал, что принятие этой системы позволит восстановить искренность, честность и прозрачность политической борьбы... Однако проведенный анализ политических партий позволяет нам сомневаться в эффективности предложенного метода. Его применение не позволит обеспечить никакой реальный прогресс, даже если запретить простым декретом организации, возникшие в результате необходимой исторической эволюции».¹ Как видим, в воззрениях итальянского и русского мыслителей, наряду с преемственностью, присутствуют два противоположных подхода к оценке выявленной ими негативной тенденции. Дилемму демократия – партийная жизнь первый решает в пользу партии, второй считает возможным пожертвовать ею ради демократии.

История XX века могла бы показать степень близости к истине отцов-основателей социологии политических партий в вопросе о живучести олигархических тенденций в массовых организациях. Максимального уровня олигархизация достигла не в либеральных, а в тоталитарных массовых партиях. Структура последних же, напротив, претерпела значительную эволюцию, отчасти в направлении, указанном Острогорским.

В целом, критика внутреннего начала представительной демократии в рамках теории элит на материале внутрипартийных механизмов была достаточно плодотворна и убедительна. Острогорский и Михельс, сосредоточив внимание на формализме современных им политических режимов, связали его с неизбежным процессом олигархизации в общественных структурах, имеющих доступ к власти. А поскольку речь шла об актуальнейших рубежа веков проблемах, их выводы полны эмоциональности и несут поистине трагический отпечаток.

¹ Ibidem. P.361.